

зультате разрушения тоталитарной системы испытывает глубокий кризис, охватывающий культурную, политическую, экономическую, нравственную, духовную сферы бытия. Человек в данной ситуации испытывает все большие затруднения в адекватном восприятии окружающей его реальности. Все это создает атмосферу отчужденности, которая проявляется в бессилии личности перед объективными обстоятельствами жизни, в ощущении исключенности человека из общественных связей, в утрате личностью своего «я». В этих условиях перед интеллигенцией, которая также охвачена этими процессами, стоит сложная задача: как суметь сохранить приоритет духовных ценностей в обществе, сплотить это общество под флагом единой идеи, цели и не дать ему распасться на мелкие разрозненные «кусочки»?

Основная масса интеллигенции переживает сегодня кризис:

- политический, проявляющийся в утрате традиционных идеалов и поисках новых;
- экономический, означающий резкое снижение жизненного уровня при неполной занятости, безработице, при значительном сокращении численности предприятий;
- профессиональный, когда происходит вынужденная массовая депрофессионализация части интеллигенции в связи с переходом к малоквалифицированному умственному или физическому труду;
- издательский, что означает ограничение возможностей публикации произведений науки, литературы, искусства в условиях их коммерциализации;
- информационный, приводящий к разрыву связей и сотрудничества с интеллигенцией ближнего и дальнего зарубежья при сокращении научной и деловой информации и невозможности приобретать общую и специальную литературу.

Сложившаяся ситуация болезненно отразилась в сознании интеллигенции. Ее бывшее монопольное положение, на основе которого когда-то могла возникать та форма занятия умственным трудом, которая представлялась хранением совести общества, размыто, исчезло, но старая идеология, соответствовавшая когда-то духовной монополии, в остаточных формах еще сохраняется. Интеллигенция сталкивается с процессом стандартизации, с процессом отчуждения, с механизмом эксплуатации, более тонким и более сложным, чем прежний. В сложившихся условиях ее роль представляется особенно важной, т.к. именно интеллигенция во все времена была своеобразным рупором эпохи.

Ответственность интеллигенции состоит в том, чтобы объективно оценить все без исключения страницы в жизни своего народа, дать взвешенный, а не провоцирующий ответ на волнующие людей проблемы, предостеречь от всего того, что может будить негативные чувства, эмоции. Это особенно важно для государств с полиэтничным населением. К сожалению, в переходный период часть людей легко усваивали позицию «великий - Я» и «малый - ты», привлекая к доказательству этой «истины» доводы, которыми их снабжали националистически настроенные представители национальной культуры.

Но особенность современного интеллигента в том, что он динамичен, готов к восприятию различных взглядов и способен смотреть на проблему с разных сторон, а не односторонне. Он способен взламывать стереотипы и опережать время. Именно с этой особенностью и связывается возможность интеллигенции найти верное решение в возникших в современном обществе проблемах и способствовать его прогрессу и обновлению на новой духовной основе.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК СУБЪЕКТ КОММУНИКАЦИИ (на материале оценочных суждений)

Коротченко Ю.М.

г. Симферополь. Украина

Нас будет интересовать вопрос о том, как возможно активное отношение к сообщениям социально-политического содержания. Представляется, что такие особенности как рефлексивность, способность к объективизации адресованных сообщений как раз и придают активный характер интеллигенции как субъекту социально-политической коммуникации.

Мы рассмотрим эту специфику интеллигенции на материале оценочных суждений – наиболее показательной, на наш взгляд, формы идеологических, обращенных к «массе» сообщений. При этом будет показано, что базу для коммуникационной активности создают особые процедуры интерпретации оценочных контекстов.

Оценочный компонент выражает предпочтительное или негативное отношение субъекта к основному содержанию высказывания, делая значение истинности / ложности зависящим от контекста. Относительно одного и того же реального события могут формулироваться противоположные высказывания, причем каждое из них может быть истинным в определенном контексте. В большинстве случаев, например, там, где речь идет об эстетическом сообщении или об эпистемическом контексте с операторами сомнения, незнания и пр., эта паллиативность выглядит вполне «безобидно», она не приводит к кровопролитью в общественных масштабах. Иное дело – политические оценки исторических событий или правовые нормы в отношении ключевых для общества вопросов, нерешенность которых ведет к социальному коллапсу.

Отметим, что оценочный компонент может быть дан в высказывании явно – в виде некоторого модального оператора («хорошо», «плохо», «приемлемо», «неприемлемо» и т.п.). Оценка также может присутствовать имплицитно, будучи скрыта в самом (немодальном явно) содержании высказывания (это, в частности, проявляется в использовании превосходных степеней прилагательных, побудительных, восклицательных и т.п.).

цательных предложений, риторических вопросов, явно негативных в содержательном отношении слов).

Например, Октябрьская революция – «величайшее событие XX века» или «государственный переворот, осуществленный под руководством немецкого шпиона Ленина»; расстрел Николая II и его семьи – «исполнение приговора истории» или «преступление против помазанника Божьего»; военные действия на территории Украины в 1941-1944 г.г. – «этап Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков» или «война против тоталитарного режима силами УПА за независимость Украины» и т.п. Мы намеренно взяли полярные и потому наиболее болезненно разрывающиеся, наиболее глубоко раскалывающие наше сегодняшнее общество политические интерпретации исторических событий. Представляется, что при условии абсолютизации момента различия в оценках и интерпретациях заострение социального конфликта неизбежно.

Как же снять эту конфликтность? Мы можем пойти по обычному для неклассической логики пути: зафиксировать пропозиционную установку, модальность и пр. Ввести особое истинностное значение для таких высказываний. Это, в свою очередь, даст возможность говорить об экспликации некоторых модальных понятий логическими средствами. Но можно пойти и на парадоксальный, на первый взгляд, шаг. Мы обнаруживаем оценку не для того, чтобы оставить ее, а в целях ее элиминации. Разнятся оценки, а не реальные факты. Как только мы устраняем прагматический элемент, мы оказываемся перед лицом стандартной, двусмысленной, семантики и классической логики. Ясно, что ее принципы – законы тождества, непротиворечия, исключенного третьего и достаточного основания остаются актуальными при анализе механизмов снижения социально-политической конфликтности и, напротив, отказ от них приводит к невозможности конструктивно решить болезненные для социума проблемы. Классическое семантическое понятие истинности как, в конечном счете, соответствия реальности, восходящее еще к Г. Фреге [1], также при этом должно быть сохранено.

В этом отношении показательны еще два достаточно конфликтных примера. Сравнительно недавно, весной 2007 года, в Таллине произошли события, связанные с перезахоронением останков советских военнослужащих, погибших во время второй мировой войны. На постаменте памятника, как известно, была надпись: «Воину-освободителю». Нашлись и альтернативные оценки, причем именно они разделяются сегодня эстонским правительством. Произошли столкновения людей с полицией, были жертвы... Елена Боннер, вдова академика Сахарова, предложила компромиссный вариант трактовки такого рода захоронений: «Павшему воину». С этим не поспоришь: захоронение действительно содержит останки павших воинов. Перед этой надписью все равны. Тот, у кого поднимется рука что-то здесь менять, может стать осквернителем могил.

Второй пример - высказывания о советской оккупации Украины, вылившиеся в создание одноименного музея. Очевидна оценочная тенденциозность в подборе экспонатов для него. Например, он не содержит карт с границами Украины до и после такой оккупации – как административных, так и экономических. А, кроме того, если даже и признать факт такой оккупации, то, представляется, что таких музеев в нашей стране должно быть больше, чем один, если, конечно, стремиться к воспроизведению исторической правды. Советы были не единственными оккупантами Украины на протяжении ее долгой и часто столь трагической реальной истории.

Особая острота в формулировке и трактовке оценочных высказываний присутствует также в ходе предвыборных кампаний. Намеренное усиление явного оценочного компонента в целях «затенения» реального содержания в политических лозунгах, по нашему убеждению, составляет основу предвыборных политтехнологий. С другой стороны, явно безоценочное высказывание, но при этом - популистское, не имеющее отношения к реальности в содержательном отношении (заведомо ложное обещание), сулящее быстрое (как только выберут его адресанта) исполнение каких-то, лучше – долгожданных, чаяний, побуждает адресата к формулировке ответного оценочного суждения и навязывает определенное поведение на выборах (тот, кто дает такие обещания – «хороший», а кто не дает – «плохой», следовательно, надо голосовать за первого, а не за второго). То есть, цель, преследуемая субъектом такого высказывания, - не в явном содержании последнего, она не высказывается непосредственно, но при этом, как правило, достигается.

При ближайшем рассмотрении становится, таким образом, очевидной некая изначальная двойственность политического высказывания, заключающаяся в несоответствии описываемой в высказывании реальности и целей (в конечном счете, – властных), преследуемых субъектом высказывания. Оценка как компонент политического высказывания кроется именно в этом скрытом целеполагании и в этом качестве составляет его неотъемлемую черту. Это свойство политического текста, в контексте проблематики письма, отмечает Р. Барт в работе «Нулевая степень письма»: «...всякая власть, или хотя бы видимость власти, всегда вырабатывает аксиологическое письмо, где дистанция, обычно отделяющая факт от его значимости - ценности, уничтожается в пределах самого слова, которое одновременно становится и средством констатации факта, и его оценкой. Слово превращается в алиби (то есть в... оправдательный акт)» [2, с. 59]. Барт подчеркивает этот самооправдывающий оценочный характер политического письма, в котором «языковое алиби есть одновременно и средство утешения, и средство прославления: поистине, именно **власть и борьба** (выделено мной – Ю.К.) порождают наиболее характерные типы письма» [там же].

Таким образом, очень важно сформировать объективное, рефлексивное, не зависящее от целей различных политических сил и СМИ отношение к истории своей страны и к сегодняшней социально-политической реальности. Это достижимо на основе логической экспертизы и интерпретации на денотативную область оценочного контекста.

Критические для социума ситуации (импичмент, роспуск парламента, введение президентского правления, признание или непризнание результатов выборов и т.п.) должны однозначно и непротиворечиво раз-

решаться в правовом поле. Если этого не может произойти, то или этого не хотят могущественные политические силы, или правовые документы нуждаются в соответствующей редакции – они не полны и/или противоречивы. Возможно, впрочем, и сочетание этих обстоятельств, когда неполнота и/или противоречивость незрелого правового текста используются политическими субъектами.

Есть, правда, знаковые системы, создающие *иллюзию* однозначности и непротиворечивости, а также возможности выхода в область денотатов. Имеются в виду тоталитарные сообщения – политической или религиозной направленности. Утверждается, ли что история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов, что в своей истории пролетариат несет объективную всеобщую тенденцию исторического процесса, что, следовательно, только все пролетарское, по своей сущности и ориентации, является подлинным и правильным, или что единственным и действительно существующим богом является аллах, или что право на историю есть только у арийской расы и т.д., - тексты, производимые в тоталитарных системах, семантически идентичны. Субъекты такого сообщества не должны сомневаться в возможности интерпретации господствующей идеологии на область реально существующего. Более того, желательно, чтобы такая интерпретация хотя бы в отдельных случаях осуществлялась: например, верующим необходимы свершающиеся на их глазах чудеса (исцеления, превращения одних веществ в другие и т.п.), идеологически ослепленным людям необходимо знать, что социализм победил сначала в основном, а потом полностью и окончательно, для оправдания нацистской экспансии и арийского превосходства нужно «предоставить» черепа определенных размеров - и т.д. Именно на фоне поиска «реальных» подтверждений тоталитарно ориентированных доктрин возникают всевозможные лженаучные конструкторы. В силу такой своеобразной идеологической галлюцинации прочтение тоталитарных текстов становится однозначным. Всякая другая, расходящаяся с легальной, трактовка государственных, например, сообщений исключает ее автора из единого идеологического семантического поля. «Другой» здесь если и осмеливается возникнуть, то оказывается вне коммуникации: в «лучшем» случае, его не слышат. Такого рода «квазиденотативные» семиотические построения говорят о том, что, конечно, сами по себе логические принципы могут успешно выполняться и заведомо ложными контекстами. Иными словами, они вторичны. Тем очевиднее становится важность процедуры выхода в некую реальную область. По этому поводу еще в самом начале XVII века, в тексте, ставшем одним из самых известных в мировой литературе, рефлексировавший персонаж заметил, что «сами по себе вещи не бывают хорошими и дурными...» [3, с.487]. Тот, кто так думает, никогда не будет объектом различного рода коммуникационных технологий, никогда не окажется фрагментом столь пессимистически описанного Ж. Бодрийяром в [4, с. 25-26] «молчаливого большинства», зондируемого идеологическими сообщениями.

Источники и литература

1. Фреге Г. Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы. – М.: «ДИК», Русское феноменологическое общество, 1997. – С. 25 – 49.
2. Барг Р. Нулевая степень письма // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М.: Изд. гр. «Прогресс», 2000.
3. Шекспир У. Гамлет. Избранные переводы. - М.: Радуга, 1985.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург, 2000.

ВОЗМОЖНЫЕ ФОРМЫ СОГЛАСИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КРЫМУ

Кумкин И.А.

г. Севастополь. Украина

Крым чем-то напоминает большую коммунальную квартиру. В ней живут люди, и каждый ориентирован на свои цели, за которыми стоят свои интересы, потребности, подчас противоположные интересам ближайших соседей. Такова реальность и объективная логика ее развития.

Ойкумена Крыма демонстрирует совокупность больших и малых образований, которые отличаются друг от друга по политическим, этническим, конфессиональным, профессиональным, возрастным, социально-экономическим и другим признакам. И в этом смысле общность людей, проживающих в Крыму скорее условна, чем безусловна.

Анализ этой общности свидетельствует о сложившемся политическом плюрализме, этническом и конфессиональном многообразии и социально-экономическом разнообразии интересов людей, проживающих в Крыму. Это не исключает, а предполагает наличие определенных интеграционных процессов, основу которых составляет механизм социализации. Каждый проживающий в Крыму, ориентирован на поиск своих с последующей идентификацией и символизацией, закрепляющих группу солидарности с претензией на справедливое отношение.

Ядром этой идентичности, выступает то интеллектуальное меньшинство, которое в случае возникновения проблемной ситуации генерирует идеи ее разрешения. Как правило, это те, которых причисляют к интеллигенции. Отсюда следует вывод о различных отрядах интеллигенции в Крыму, которая скорее разделяет, чем объединяет Крым. Но этим процессам дифференциации противостоит и процесс интеграции, основу которого составляют: общая природа, общие проблемы, общая судьба Крыма. Это то, что делает людей, проживающих в Крыму, общностью крымчан. Необходимость решения общих проблем заставляет интеллигенцию, как представительство разных социальных образований идти на поиск согласия через форму диалога, компромисса и толерантности.